

Н.Е. ТИХОНОВА

Мечты россиян “об обществе” и “о себе”: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте?*

В статье на материалах ряда общероссийских исследований Института социологии РАН последних лет рассматривается специфика “русской мечты” и некоторые ее ключевые элементы, демонстрируется ее культурно-цивилизационная специфика и связь с ценностями и идентичностями россиян. Показано, что наличие мечты – норма российской культуры в целом, однако в последнее время эта норма размывается. Зафиксировано, что на место пока еще существующего, но постепенно утрачивающего свою значимость российского цивилизационного проекта с характерной для него “высокой мечтой”, приходят не мечты общества потребления, а превращение обычного выживания в предмет мечтаний.

Ключевые слова: Мечта, культура, ценности, нормы, цивилизация, образ желаемого будущего, российский цивилизационный проект, культурная динамика, общественное сознание.

The article on the material of several national research Institute of Sociology in recent years analyses the specifics of the “Russian Dream” and some of its key elements and demonstrates its cultural and civilizational elements and communication with the values and identities of the Russians. It is shown that the presence of a dream is the norm of the Russian culture in general, but in recent years this rule eroded. The place is still existing, but gradually lost their relevance of Russian civilization project with his characteristic “high dream”. The dream of a consumer society is transformed into ordinary survival.

Keywords: Dream, culture, values, norms, civilization, the image of a desired future, the Russian civilization project, cultural dynamics, social awareness.

В последнее время все чаще приходится слышать о том, что “Россия – это не Европа”. И, несмотря на то, что полемика на эту тему не утихает (да и вряд ли может утихнуть, учитывая, что спор между “западниками” и “славянофилами” идет уже около двух веков), актуализация этой темы в публичном пространстве отнюдь не случайна. Социологические исследования показывают, что и в широких массах населения растет осознание необходимости ориентации на свой особый путь развития страны. Все больше понимает население и неприемлемость для России простого калькирования западного пути.

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту “Цивилизационные особенности мечты в России и Китае” (№ 14-23-21001), выполняемому при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Тихонова Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор-исследователь Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Эти идеи не просто “овладевают массами” – их начинает разделять большинство даже в наиболее “продвинутых” группах россиян. Так, судя по данным исследования “Средний класс в современной России”¹, две трети представителей российского среднего класса считают, что Россия – особая цивилизация и в ней никогда не привьется западный образ жизни. Причем доля сторонников особого пути России, как свидетельствуют данные исследований Института социологии РАН, растет, в том числе и среди российского среднего класса.

Что же за стоит за этими изменениями во взглядах людей? Являются ли они следствием соответствующей пропаганды в СМИ, ситуационной реакцией на изменение внешнеполитической обстановки или же отражают растущее согласие с тем, что Россия способна предложить миру свой цивилизационный проект? И если верно последнее, то какое место в нем занимает мечта?

Разумеется, вопросы эти столь масштабны, что ответить на них в одной статье заведомо невозможно. Но то, о чем в ней будет говориться, мне хотелось бы вписать в контекст именно этой дискуссии. Ведь одним из ключевых различий цивилизаций выступает специфика их культур и вытекающая из этой специфики разница в понимании того, “что такое хорошо и что такое плохо”, к чему нужно стремиться, а чего следует избегать. Вот почему многое для понимания особенностей той или иной культуры в каждый конкретный момент времени дает анализ того, о чем мечтают ее представители. И если, например, в США, Италии, России, Китае и Бразилии люди мечтают о разном, то можно говорить о существовании в них разных цивилизационных проектов. Если же они мечтают об одном и том же, то вся разница их цивилизационных проектов будет сводиться лишь к вопросу о том, “как добиться желаемого”, а не “что важно в жизни”. Ответ же на вопрос “как” во многом задается имеющимся коридором возможностей (включая уровень развития страны и существующие в обществе институты) и в относительно меньшей степени связан с цивилизационными особенностями. Вот почему именно на вопросе о том, что является предметом мечтаний современных россиян, мне бы и хотелось остановиться в данной статье.

Однако прежде чем перейти собственно к анализу этих мечтаний, надо ответить на вопрос: а что такое мечта? В обыденном понимании мечта обычно ассоциируется с заветным желанием, однако социологическое ее понимание этим не ограничивается. Мечта – это и создание образа желаемого будущего, и мотивационная установка, побудительная причина к деятельности по его достижению. В мечте отражаются приоритеты и особенности нормативно-ценностных систем отдельного человека и культуры в целом, соотношение и приоритетность в них личного и общественного, индивидуалистического и коллективистского начал. При этом понятно, что в любой стране большой человек будет мечтать о здоровье, влюбленный – о том, чтобы его любовь не была безответной и т.д., то есть во всех странах присутствуют некие задаваемые ситуацией или общечеловеческие мечты, которые никакой особой спецификой не отличаются. Однако в фокусе внимания в данной статье будут находиться не они.

Анализ цивилизационной специфики и особенностей нормативно-ценностных систем различных обществ через призму мечты – в целом новая постановка задачи в рамках изучения культурной динамики, в том числе и в междисциплинарном разрезе. Насколько мне известно, было лишь одно комплексное общероссийское исследование, посвященное проблематике предмета мечтаний россиян на основе эмпирических

¹ Речь идет об исследовании Института социологии РАН (руководители – М. Горшков и Н. Тихонова), проведенном в феврале 2014 г. по общероссийской выборке численностью 1600 человек, репрезентировавшей население страны по региону проживания, полу, возрасту и типу поселения. В ходе исследования дополнительно к этой выборке в разных регионах страны пропорционально численности их населения в населении страны в целом были опрошены также 300 человек, имевших доходы выше медианных для своих типов поселений, образование не ниже высшего и нефизический характер труда. Общая численность респондентов, идентифицированных авторами исследования как представители среднего класса, составила 942 человека (подробнее см.: http://www.isras.ru/analytical_report_sredny_klass_10_let_spustya.html).

данных², хотя отдельные локальные разработки по этой тематике³ предпринимались неоднократно.

Традиционно разнообразие общественной мысли по этому поводу определялось более широкой постановкой вопроса. Вначале эта постановка заключалась в обсуждении “русской идеи”. При этом русских мыслителей объединяло понимание “русской идеи” как смысла, вокруг которого организовывается вся жизнь человека, включая жизненные цели людей и их мечты (Н. Бердяев, В. Розанов и др.). Со временем достаточно абстрактное (в смысле неоперационализируемости для эмпирических исследований) понимание “русской идеи” стало вытесняться ее измерением преимущественно через призму целей, ценностей, самоидентификаций и т.д. Однако такая постановка вопроса все же значительно отличается от анализа проблематики собственно мечты.

Что касается зарубежных работ, связанных с проблематикой мечты в контексте цивилизационной специфики той или иной страны, то, насколько мне известно, их также не было. Международные сравнительные исследования, проводящиеся под руководством или по методикам Р. Инглхарта, Ш. Шварца, Г. Хофстеда и других ведущих ученых, позволяют проследить динамику ряда норм и ценностей в разных странах и провести сравнительный анализ их культур. Однако инструментарий, который в них используется, не содержит вопросов, посвященных собственно мечтам респондентов, и не дает возможности оценить цивилизационную близость тех или иных стран по данному основанию. И это не случайно: в английском языке нет даже термина, соответствующего понятию “мечта” в характерном для русского языка его смысловом наполнении. Так, широко известное словосочетание “*American Dream*” имеет сугубо личностный характер, относясь к тем достижениям человека, которых он может добиться в результате собственного упорного труда. Конечно, понятие “мечта” можно перевести на английский не только как “*dream*”, но и как “*desire*” (желание) или “*ambition*” (стремление). Однако все эти варианты все равно не соответствуют тому, что вкладывается в понятие “мечта”, особенно “высокая мечта”, в русском языке. Та же ситуация характерна и для многих других европейских языков.

В то же время в жизни россиян “высокая мечта” существует не только как популярное словосочетание, но и как *достаточно широко распространенная норма – “надо мечтать”* (согласны с этим безусловное большинство населения – 76%). Она утвердилась на фоне общей убежденности в том, что без мечты жить неинтересно, а также реальной распространенности мечтаний среди россиян (около 90% их имеют те или иные мечты).

Необходимо подчеркнуть, однако, что норма “надо мечтать” имеет сейчас в России тенденцию к размыванию. Мечтательность сегодня, как и всегда, больше свойственна молодежи, чем старшим поколениям, но современной молодежи она присуща в меньшей степени, чем молодежи предшествующих поколений (по крайней мере, если судить по ретроспективным оценкам современными россиянами того, мечтали ли они в том или ином возрасте).

На размывание этой нормы “работает” ряд факторов российской реальности. Так, опережающими темпами норма “надо мечтать” размывается в мегаполисах, особенно в наиболее прагматичных Москве и Санкт-Петербурге, куда постепенно “стягивается” все большая часть населения (в них эту норму разделяют лишь 57% при 76–80% в других типах поселений). Сказывается на уменьшении ее популярности и рост при-

² Речь идет об исследовании Института социологии РАН “О чем мечтают россияне?” (руководители – Горшков и Тихонова), проведенном в марте 2012 г. по выборке, репрезентировавшей население страны 16–55 лет по региону проживания, полу, возрасту и типу поселения (подробнее см. [О чем... 2013]). Именно данные этого исследования положены в основу настоящей статьи. В случаях, когда используются данные других исследований, это оговаривается особо.

³ Например, исследование санкт-петербургских ученых 2008 г. “Общие мечты молодежи как объединяющая идея” (руководитель М. Белоусова), проходившее в форме 16 фокус-групп и 30 интервью в 4 населенных пунктах, интернет-опрос В. Аникина “О чем мечтает российская молодежь?” (2012), где респондентами выступали студенты московских вузов, прежде всего НИУ – ВШЭ, и др.

верженцев ислама в составе населения России, поскольку среди них сторонников того, что “надо мечтать”, также можно встретить относительно реже (в числе мусульман их менее двух третей при 76–91% среди верующих других конфессий или внеконфессиональных россиян). Таким образом, *в перспективе* (то есть по мере смены поколений, роста доли жителей мегаполисов и выходцев из исповедующих ислам регионов в составе населения страны) *следует ожидать нарастания прагматизма российских граждан и ослабления указанной нормы.*

За этими процессами, как свидетельствуют эмпирические данные, стоят несколько очень важных тенденций, характеризующих жизнь современного российского общества. Дисбаланс “должного” и “сущего”, ощущение “неправильности” происходящего ведут к нарастанию атомизации общества, разрушающей непосредственно переживаемое чувство органической общности нации и устои социальной солидарности россиян. Одновременно ширится отчуждение как сравнительно новый для России социальный феномен. Последствия этих процессов видны и в расширении недовольства именно сложившейся в стране (а не лично у них) ситуацией, и в распространенности стремления уехать из страны (особенно в наиболее образованных и благополучных слоях населения), и в росте в обществе агрессии, и в ряде других характерных особенностей современной российской жизни. Недоценивать их очень опасно, поскольку именно под их влиянием в последние годы происходит своего рода трансформация в общественном сознании образа Родины и отношения к ней среди значительной части российского общества.

Рост отчуждения, все большая атомизация общества ведут и к потере у россиян самоидентификации со страной, а также к вытекающей из этого утрате потребности в мечте о ее будущем. В итоге все чаще можно говорить скорее о **запросе** россиян на определенный тип (модель) развития страны, чем об эмоционально окрашенной **мечте** о будущем России, тем более – о мечте, выступающей побудительным мотивом к личному действию. Словом, и БАМ построить, и целину поднять “по зову сердца” современная молодежь готова в гораздо меньшей степени, чем поколение ее отцов и дедов. Да и последнее в массе своей сегодня уже не готовы идти на серьезные личные жертвы ради великого будущего своей страны. Еще раз подчеркну – это следствие глубинных изменений, произошедших в системе общественных отношений в последние 25 лет, а не влияния культуры общества потребления или роста индивидуализма, эгоцентризма и эгоизма россиян, как это пытаются порой представить.

В то же время преувеличивать масштаб этих изменений все же не стоит. Во-первых, и в советское время “высокая мечта” была для большинства все-таки скорее декларируемой нормой, чем реальностью повседневного бытия. Во-вторых, *и сейчас для очень значительной части россиян их ключевые мечты связаны не только, а подчас – и не столько с ними самими или их близкими, сколько со страной, обществом или населяющими Россию людьми* (а подчас даже – и с миром в целом). Приведу лишь несколько примеров из исследования Института социологии РАН 2012 г. Начну с того, о чем вообще мечтают россияне.

При выборе вариантов мечтаний из предлагавшегося им закрытого списка вариантов ответа (см. рис.), 12% населения страны в возрасте 18–55 лет в числе трех основных своих мечтаний называли “быть полезным обществу” (см. рис.). Учитывая, что можно было назвать максимум три мечты и альтернативы были весьма привлекательны, это можно рассматривать как довольно высокий показатель. При этом мечта быть полезным обществу практически одинаково распространена во всех возрастных группах. В то же время доля приверженцев ее резко возрастает в зависимости от уровня дохода, профессионального статуса и уровня образования – о своей мечте быть полезным обществу говорили от 9% представителей низкодходных (то есть с доходом менее половины медианных доходов, характерных для соответствующего типа поселений) до 18% высокодходных (с доходом более двух медиан) россиян; от 3% предпринимателей и 5% рядовых работников сферы торговли и услуг до 18% профессионалов и 20% руководителей первого уровня; от 8% среди имеющих образование не

Рис. О чем мечтают россияне, 2012 г., % от имеющих мечту; допускалось до трех вариантов ответа, отранжировано по доле разделяющих соответствующую мечту.

выше общего среднего до 16% имеющих высшее образование. Таким образом, *мечта быть полезным обществу локализуется сегодня скорее среди представителей наиболее "продвинутых" и благополучных групп, чем среди социальных аутсайдеров.*

Не менее важен при оценке популярности мечтаний макроуровня среди россиян и другой их аспект, а именно – в разы более распространенная, чем мечта приносить пользу людям, *мечта о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе.* Эта мечта, на протяжении веков бывшая неотъемлемым компонентом российской культуры, на несколько десятилетий советской истории утратила массовый характер, перейдя в своеобразную форму мессианства ("мы строим новый – справедливый и разумный – мир, являющийся образцом для всего человечества"). И хотя даже в советское время были люди, которым общество советского типа не казалось ни справедливым, ни разумно устроенным, доля их в составе населения в целом была невелика. Однако переход к рыночной экономике с характерным для нее отчуждением и специфическим для России и некоторых других развивающихся стран глубочайшим социальным неравенством вновь актуализировал эту ключевую составляющую "русской мечты". Причем, и это очень важно, актуализировал ее во всех слоях и группах населения.

О значимости для россиян потребности жить в справедливом и разумно устроенном обществе говорят, в частности, их ответы на посвященный их мечтам открытый вопрос, также задававшийся в исследовании Института социологии РАН. Эти ответы позволяют услышать "прямую речь" людей, понять суть их мечтаний в их собственных формулировках. Говоря о тех трех своих мечтах, которые они попросили бы реализовать Золотую рыбку, если бы им удалось с ней встретиться, респонденты высказывали, например, такие пожелания: "чтобы Россия была великой", "достойного государства", "чтобы у нас было цивилизованное общество", "чтобы наша промышленность поднялась", "чтобы экономика нормально развивалась", "чтобы молодежь могла получить нормальную работу", "стабильности в стране", "хороших законов", "равенства всех перед законом", "чтобы не было коррупции", "справедливости в стране – чтобы вернули, что у народа украли", "справедливости: наказать, наконец, всех политиков", "сменить власть", "чтобы хотя бы дети жили в справедливом обществе", "достойной жизни людям в России", "чтобы жить в достойной стране", "в тюрьму взяточников и

воров собственности государства!”, “справедливости – чтобы президент наказал воров-чиновников”, “чтобы сохранилось культурное наследие страны”, “чтобы не было терроризма”, “чтобы не было бюрократии”, “благополучия сиротам и старикам”, “чтобы молодым семьям помогали”, “чтобы не было пьянства и наркомании”, “чтобы не было сирот”, “чтобы не было зависти”, “доброты всем”, “счастья всем”, “чтобы не было смертной казни”, “духовности всем” и т.п. Пожелания, касающиеся мира в целом, встречались гораздо реже, чем в отношении страны, общества и своих сограждан, и включали в себя обычно “мира во всем мире”, “спасения Земле”, “справедливости в мировой экономике”, “стабильности в мире”, “чтобы не было войны” и т.п. При этом мечты макроуровня были не просто очень широко представлены в ответах респондентов, но и в ряде случаев (например, “мира во всем мире”, “справедливости в стране”) почти дословно совпадали.

Стоит специально отметить также, что если в отношении мира в целом мечты россиян обычно связаны с отсутствием войн и общей стабильностью как в международной политике, так и в глобальной экономике, то в отношении России они в подавляющем большинстве касаются не стабильности, а стремления видеть свою страну справедливым обществом. Таким образом, мечта о справедливом обществе, которая на протяжении столетий была смысловой доминантой макромечтаний россиян, той идеей, которая сначала поднимала их на бунты, а впоследствии вела на баррикады, и сегодня остается, с одной стороны, лишь мечтой, а с другой – самой важной гранью их образа желаемого будущего. Это отражает тот факт, что *разрыв между сущим и должным, отражающийся в массовом сознании через ощущение отсутствия справедливости, остается в России наиболее острой болевой точкой общественного сознания.*

В чем же заключается справедливость в сознании населения страны? Не останавливаясь подробно на этом вопросе, который уже не раз освещался в литературе на данных общероссийских исследований, в том числе и в самое последнее время (подробнее см. [Мареева, 2013^а; 2013^б; Тихонова, 2008^а] и др.), отмечу лишь, что главное в представлениях россиян о справедливости – отнюдь не стремление “все отнять и поделить”, как это пытаются порой представить. Более того, россияне одобряют даже глубокие социальные неравенства, но лишь если они основаны на легитимных основаниях (разная квалификация, разная эффективность и сложность работы и т.д.). Ключевым же элементом этих представлений выступает вполне укладывающийся даже в либеральную (хотя и не в неолиберальную!) модель общественного устройства *принцип равенства возможностей, включая равенство всех перед законом.* В этой связи хочется напомнить, что именно идея прирожденного равенства всех людей выступала основной идеологией всех буржуазных революций.

Другим “краеугольным камнем” этой идеологии выступала *идея общественного договора*, приобретающая все большую актуальность и в России (см., в частности, [Тихонова, 2013]). В формулировках самих россиян она обычно отражается в желании, “чтобы с мнением народа считались”. Если переложить это желание на язык социальных теорий, то оно означает, что на место “от Бога данной” модели взаимоотношений власти и народа, в которой представители народа выступают лишь как “подданные”, в общественном сознании постепенно приходит в Россию новая модель этих взаимоотношений. Ее можно называть по-разному – договорная, контрактная, консенсусная и т.п. Суть не в названии, а в том, что *население не обязано “просто так” повиноваться власти, а готово это делать только в случае, если власть, со своей стороны, будет выполнять те функции, которые делегированы ей со стороны общества*⁴.

С учетом представлений россиян о данных функциях это означает, что *государство не может выступать в России в роли простого “мирового судьи”, “заслушивающего противоборствующие стороны” на какой-то площадке (например, в Государственной*

⁴ Не останавливаясь специально на этом моменте, неоднократно иллюстрировавшемся мной на массе эмпирических данных ранее (см. [Тихонова, 2001; 2005; 2011] и др.), отмечу лишь, что установка на “консенсусный” характер взаимоотношений с властью продолжает отчетливо доминировать сегодня в российском обществе.

думе) и в процессе открытых дебатов принимающего решения как арбитр. Скорее, это должен быть умный лидер, понимающий запросы введомой им группы (народа в целом), артикулирующий ее общие интересы, намечающий стратегию ее действий, видящий еще в зародыше возникающие противоречия и не доводящий их до прямого конфликта интересов. Здесь также одна из важнейших граней справедливого и разумного общественного устройства в глазах россиян.

Наряду с этими базовыми, “терминальными” характеристиками справедливого и разумного общественного устройства в представлениях россиян присутствуют, конечно, и другие его черты. Часть из них носит скорее инструментальный характер (эффективно работающие судебная и правоохранительная система, повышенная забота о конкретных социальных группах и т.д.). Другая часть идет от отрицания ряда реалий современной России (коррупции, разворовывания госсобственности и т.д.). Причем все эти представления разделяются не просто большинством россиян, но и присущи большинству любой социальной группы.

Более детально некоторые конкретные грани справедливого и разумно устроенного общества, о котором они мечтают, можно рассмотреть в “прямой речи” самих россиян. Например, очень популярна сегодня в российском обществе озабоченность ситуацией с сиротами. Учитывая, что именно эта категория населения не по своей вине страдает от наиболее тяжелых форм неравенства, не удивительно внимание к проблематике сиротства в контексте представлений россиян о равенстве возможностей как ключевом элементе справедливого общества. Большое место отведено в мечтах населения страны и необходимым для обеспечения равенства возможностей изменениям в различных сферах жизни общества. Причем это касается не только их общих характеристик (типа пожеланий реальной бесплатности медицины, образования и т.д.), но и вполне конкретных тем – от налаживания работы скорой помощи и той или иной судьбы ЕГЭ до газификации сельской местности и улучшения работы ЖКХ.

Очень значима роль в жизни россиян *мечты о справедливом обществе, то есть мечты макроуровня, относящейся к обществу в целом, а не только “к себе, любимому”, а также детальная “проработка” этой мечты и ее консенсусный характер для всех массовых групп общества.* Здесь, пожалуй, видны наиболее характерные особенности мечтаний россиян по сравнению от, например, с мечтами американцев. Понятие американской мечты (*American Dream*) тесно связано с понятием “*Self-made person*”, то есть человека, который самостоятельно добился успеха в жизни, “сам себя сделал”. В российской же мечте личный достижительный компонент играет сравнительно незначительную роль – о каких бы то ни было карьерных достижениях в контексте своих основных мечтаний россияне сами вообще почти не вспоминают, а под хорошей работой, о которой они все-таки иногда мечтают, в подавляющей массе случаев подразумевается просто интересная, стабильная и хорошо оплачиваемая работа.

Это различие мечты “по-русски” и “по-американски” не случайно. Отчасти оно свидетельствует о том, что для американцев (как и для немцев, англичан и представителей многих других наций) существование общества равных возможностей воспринимается как естественная, уже существующая предпосылка их жизни и общий фон для реализации собственной активности в борьбе за личные успехи. В России же в силу имеющихся структурных ограничений, играющих с годами все большую роль [Тихонова, 2014, гл. 3], личные успехи воспринимаются многими скорее как результат везения, чем как следствие личной активности человека. В этих условиях и справедливость кажется россиянам каким-то недостижимым идеалом – во всяком случае, только треть их верят, что хотя бы сегодняшним детям удастся жить в обществе, где лозунг справедливости будет реализован. Россиянам остается пока лишь мечтать о том, что для представителей многих других народов уже давно стало нормой жизни – о равенстве возможностей, о возможности достичь чего-то значимого за счет собственных усилий, о справедливом суде и т.п.

Однако не менее, а может быть, и более важно для понимания распространенности среди россиян мечтаний макроуровня то обстоятельство, что у *значительной части*

населения России все еще сохраняется “включенность” в дела страны, личностная значимость для них того, что происходит в обществе в целом. Эта “включенность” основана на специфике их идентичностей, вытекает из особенностей ценности национальной культуры и постоянно фиксируется в ходе эмпирических исследований Института социологии РАН. Так, в исследовании “Двадцать лет российских реформ глазами россиян”⁵ в качестве основных негативных результатов реформ люди называли прежде всего факторы, относящиеся к состоянию общества в целом (рост коррупции, падение морали и т.п.), а не те их последствия, от которых пострадали они лично. Та же картина прослеживалась и в 2014 г.⁶ при характеристике негативных изменений последних лет: озабоченность происходящим в обществе заметно опережала озабоченность собственными проблемами. Высока и заметно выросла за последние 20 лет и распространенность идентичностей как с гражданами России, так и с россиянами [Тихонова, 2005; 2008⁶; Горшков, Тихонова, 2008].

Все это позволяет утверждать, что значимость мечтаний макроуровня в мечтах населения России отражает общую развернутость россиян “вовне”, в общество, и фундаментом ее выступает традиционно высокая роль для них макроидентичностей – причем не только с гражданами той же страны, но и с представителями той же культуры, людьми тех же взглядов и т.д. Более того, высокая значимость для россиян макроидентичностей весьма устойчива, что позволяет говорить о ней как об одном из признаков культурной специфики России.

Для группы мечтающих о справедливом обществе абстрактные макроидентичности еще важнее, чем для остальных россиян, особенно идентичность с людьми тех же взглядов на жизнь или политических взглядов. В этом контексте интересно, что они в большей степени, чем остальные россияне, разочарованы отсутствием в России демократического строя: 84% убеждены, что их надежды и мечты об установлении в стране демократического строя не оправдались (среди остального населения – 69%). При этом данная группа предъявляет выраженный еще ярче, чем у остальных россиян, запрос на такие признаки демократии, как равенство всех граждан перед законом (85% и 74%, соответственно), и наличие оппозиции, контролирующей президента и правительство (но, замечу, не борющейся с ними любыми способами) – 25% и 15%, соответственно. Ее представители также чаще считают, что демократия вообще невозможна без политической оппозиции и что каждая политическая партия должна иметь шанс возглавить правительство.

Однако все это не значит, что мечтающие о справедливом и разумно устроенном обществе в России – сторонники западной модели развития вообще и демократии в частности. Наоборот, среди них относительно чаще встречаются сторонники характерной именно для России модели государственного устройства, при которой государство призвано выражать и отстаивать интересы всего народа, то есть макрообщности в целом, даже в ущерб интересам и правам отдельной личности. Это принципиально иное видение функций государства, чем существующее в западных демократиях, где государство – гарант прав человека и меньшинств. Не случайно заметно чаще у данной группы россиян встречается желание жить в обществе социального равенства (понимаемого как равенство возможностей), в то время как в обществе индивидуальной свободы хотели бы жить лишь чуть больше ее четверти. Добавлю – среди мечтающих о справедливом обществе еще реже, чем среди остальных россиян, встречаются те, кто мечтали бы стать богатыми или знаменитыми (хотя эти ценности вообще нехарактерны для российской культуры)⁷, что также ярко отличает ситуацию в России от ситуации в странах Запада). В этом контексте стоит вспомнить также

⁵ Исследование (руководители – Горшков и Тихонова) было проведено в марте 2011 г. по общероссийской выборке численностью 1750 человек, репрезентировавшей население страны по региону проживания, полу, возрасту и типу поселения.

⁶ Исследование “Средний класс в современной России”.

⁷ Судя по эмпирическим данным, россияне гораздо чаще стремятся к тому, чтобы жить “не хуже других”, чем к богатству как таковому.

характерное для российской культуры вообще и ценностей мечтающих о справедливом и разумно устроенном обществе, в особенности некоммодифицированное отношение к природе, особую значимость для них государства как “станового хребта” общества, представление о смыслодающей функции государства как одной из ключевых его функций, бóльшую роль ценностей свободы и интересной работы, нежели ценностей материального благосостояния и т.д.

Таким образом, *все ценностные установки, которые разделяются большинством населения и характерны для российской культуры в целом, встречаются среди мечтающих о справедливом обществе заметно чаще, чем среди остальных россиян*. Это позволяет считать, что именно представители этой группы в большей степени выступают носителями ценностей и норм особого российского цивилизационного проекта (в той форме, как он вообще сейчас реально существует).

Важно подчеркнуть, однако, что и в области ценностей и идентичностей россиян фиксируются те же тенденции, что и в отношении нормы “надо мечтать” – *многие характерные для российской культуры ценности и макроидентичности постепенно размываются, а значимость их для россиян относительно идентичностей микроуровня падает*. В условиях уже упоминавшегося нарастания отчуждения в российском обществе и его атомизации это вполне естественно.

Тем не менее и сегодня половина (52%) россиян предпочли бы внести свою “лепту” в процветание страны, чем жить, руководствуясь лишь собственными интересами⁸. Однако наряду с ними в российском обществе существует и другая группа, почти равная по численности (48% россиян в возрасте 18–55 лет), представители которой даже на уровне норм декларируют, что предпочитают жить так, как им хочется, и не думать о стране. Интересно при этом, что мечты их тоже достаточно часто оказываются связаны с жизнью в справедливом и разумно устроенном обществе. Более того, почти каждый пятый из них готов пойти ради своей страны на значимые жертвы.

Это говорит о том, что индивидуализм по крайней мере части представителей данной группы – скорее реакция на сегодняшние российские реалии (по принципу “как вы со мной, так и я с вами”), чем последовательная жизненная позиция. Декларируемая же ими ориентация только на интересы своего “микромира” представляет, по крайней мере для их части, скорее результат длительного отсутствия больших общезначимых целей и разочарования в возможности их наличия, чем последовательного индивидуализма (причем результат сравнительно недавний, не отразившийся еще на других элементах мировоззрения, что позволяет предположить, при определенных условиях, возможность разворота сознания этой группы в сторону стремления внести свой вклад в развитие России). Однако вероятность такого разворота ничтожно мала, поскольку не только современные российские реалии, но и доминирующие в публичном пространстве России установки, приходят в противоречие с ценностями и нормами, на которых традиционно держался российский цивилизационный проект, способствуют его размыванию, меняют ценности и поведение людей.

Этот процесс в определенной степени осознается россиянами и достаточно болезненно воспринимается группами, наиболее концентрированно выражающими характерные для российской культуры в целом нормы и ценности. Так, именно мечтающие о справедливом обществе наиболее негативно оценивают изменения, произошедшие в личностных качествах россиян за последние 15–20 лет. Их представители чаще говорят о том, что у россиян за это время выросли агрессивность, цинизм, и в то же время ослабели доброжелательность, искренность, бескорыстие, готовность помочь другому. Учитывая роль данных качеств в автостереотипе россиян, это означает, по сути, *не только ухудшение социально-психологической атмосферы в российском обществе,*

⁸ В этой связи хотелось бы еще раз напомнить, что речь в данной статье идет о мечтах, нормах, ценностях и установках, а не о реальном поведении, которое может от них значительно отличаться и диктоваться разного рода внешними обстоятельствами. Тем не менее, если на уровне норм фиксируется значимая динамика, то и на уровне поведения можно ожидать постепенных изменений в соответствующем направлении.

но и постепенное размывание в условиях несовместимого с национальной культурой в целом общественного устройства, сложившегося в стране за последние 20 лет, национальной идентичности, исчезновение того типа личности и делегитимизацию тех социальных норм, на которых строился раньше российский цивилизационный проект.

Описываемые тенденции покажутся еще более печальными, если посмотреть, где локализируются мечтающие о справедливом и разумно устроенном обществе. Прежде всего заметна повышенная по отношению к средним показателям концентрация их представителей в городах-миллионниках. Если же говорить об их возрасте, то это чаще представители средних возрастных когорт – от 36 до 55 лет, в то время как не попавшие в данную группу россияне – чаще молодежь в возрасте до 35 лет. Несмотря на то, что образование группа “мечтающих о справедливости” получала в период, когда высшее образование было менее распространено, чем сегодня, она относительно более образованна – 36% в ней (при 26% у остальных россиян) имеют высшее образование. Отсюда вытекают и особенности профессионального состава группы: в большинстве своем ее представители – руководители разного уровня и специалисты, а вот рабочих в ее составе сравнительно немного – менее трети, и большинство рабочего класса страны характеризуют совсем другие мечты. В целом, обобщая данные о составе мечтающих о справедливости, можно сказать, что это именно те, кто, с точки зрения функционалистского подхода, выполняют в обществе *функцию ретрансляции норм национальной культуры, то есть ту функцию, которая в России ранее традиционно была закреплена за интеллигенцией.*

В заключение стоит упомянуть и о том, что характерная для российской культуры идея мессианства, убеждение, что все великие события русской истории следует рассматривать как служение России всему человечеству (с чем согласны 57% россиян⁹), так же как и все еще характерное для половины населения стремление быть полезным стране и людям, в большинстве случаев не принимает сегодня форму желания посвятить всю свою жизнь жертвенному служению “общему делу”. Скорее, речь идет о потребности ощущать свою нужность людям, понимать, что “живешь не зря”, – потребности, удовлетворение которой не требовало бы больших личных жертв и согласовывалось с собственными интересами и интересами своей семьи. Таким образом, *значимость пресловутой “национальной идеи” (независимо от ее содержания) даже у тех, кто готов жить с учетом стремления принести пользу людям и стране, идентифицируют себя с ней и мечтают о воцарении в ней справедливого и разумно устроенного общества, за 20 с лишним лет отсутствия такой идеи в значительной степени девальвировалась.* Тем не менее нельзя сказать, что потребность в “большой цели”, “общем деле”, которые могли бы повести людей за собой, в российском обществе утрачена полностью – во всяком случае, четверть россиян в возрасте 18–55 лет готовы, по крайней мере на уровне деклараций, пойти даже на то, чтобы пожертвовать ради “общего дела” своими интересами и интересами своей семьи.

Подытоживая вышесказанное, хотелось бы подчеркнуть следующее:

1. Наличие мечты выступает сегодня бесспорной нормой российской культуры и присутствует в реальной жизни подавляющего большинства россиян. При этом ключевой особенностью “русской мечты” и русского цивилизационного проекта в целом и сегодня выступает мечта о справедливом и разумно устроенном обществе. Эта мечта имеет личностную, эмоциональную значимость в условиях особой роли макроидентичностей в жизни населения страны.

2. Возможность личностной, эмоциональной связи с Россией постепенно утрачивается в условиях все меньшего соответствия российского общества тем идеалам

⁹ Данные общероссийского исследования Института социологии РАН “Граждане новой России: кто они? Как живут? К чему стремятся?”, проходившего в марте 2007 г. по общероссийской выборке, репрезентативной населению в возрасте 16–65 лет по региону проживания, полу, возрасту и типу поселения.

справедливости, которые характерны для русской культуры и являются консенсусными для всех слоев населения страны и социальных групп. Из этого вытекают и атомизация российского общества, и нарастание в нем отчуждения. В этих условиях “органическая солидарность”, ощущение своего нерасчленного единства с общностью людей, обитающей на территории России и разделяющей общи нормы и ценности в рамках внутренне единой культуры, начинает замещаться чувством формальной связи с Российской Федерацией, ощущением себя просто гражданином определенного государства, что предполагает своего рода “контракт” с ним, в котором власть должна выполнять определенный объем обязательств и функций (то есть общество приходит на смену общности в том смысле, который вкладывал в эти понятия Ф. Теннис, что, в свою очередь, ведет к возникновению потребности в общественном договоре и формированию в перспективе гражданского общества).

3. Культурные особенности россиян (их идентичности, ценности и т.д.), накладываясь на особенности переживаемого Россией этапа развития, формируют сегодня в нашей стране не только определенную повестку дня, но и особую модель мечтаний. В этой модели мечты о справедливом обществе тесно переплетаются с мечтами о личном благополучии, а пока сохраняющаяся потребность ощущать себя полезным, внести свою лепту в развитие страны “гасится” непониманием стратегического вектора ее развития, за который, по мнению россиян, отвечает государство. Тем не менее, хотя идеалы жертвенного служения стране неспособны сегодня конкурировать в сознании россиян с задачами обеспечения их собственного благополучия, и сегодня они остаются важным компонентом нормативно-ценностных систем значительной части населения, а желание внести свою “лепту” в развитие России присутствует в стремлениях большинства населения.

4. Особенности мечтаний россиян, вытекающие из их ценностей, идентичностей и т.д., свидетельствуют о том, что в общественном сознании и российской культуре в целом существует определенный образ желаемого будущего, отражающий специфику особого, российского цивилизационного проекта. Однако под влиянием жизненного опыта и российских реалий этот образ постепенно утрачивает для населения страны личностную, эмоциональную значимость, поскольку кажется недостижимым и размывается неверием в возможность реализации в России в ближайшие десятилетия даже базовых принципов справедливости. Это отражается в смещении в мечтах россиян фокуса внимания с “высокой мечты” на мечты микроуровня, а также доминировании в составе последних простейших задач выживания – наличии хотя бы минимального достатка, здоровья, благополучия детей, отдельного жилья. Таким образом, утрачивая “высокую мечту”, россияне замещают ее даже не мечтами о знаковых для общества потреблении товаров, а мечтами об удовлетворении простейших, базовых для стабильного выживания потребностей. Это позволяет говорить о том, что на место пока еще существующего, но постепенно утрачивающего свою значимость российского цивилизационного проекта, предлагавшего и предполагавшего свою систему ценностей, идентичностей и норм, приходят не нормы и ценности западного общества потребления, а превращение выживания в предмет мечтаний.

5. Эта ситуация вызывает у россиян протест против существующей в России модели общественного устройства и актуализирует их мечту о справедливом обществе, столь характерную для российской культуры в целом. В итоге во времени и пространстве совмещаются несколько, на первый взгляд, противоречащих друг другу процессов: 1) ослабление норм и ценностей, традиционных для российской культуры, но приходящих в противоречие в реалиями сегодняшнего дня; 2) актуализация запроса на справедливое и разумно устроенное общество, традиционно характерное для российской культуры; 3) нарастание недовольства россиян тем, что происходит в сфере общественного устройства и, как следствие, в области культуры и ценностей. Такое сочетание ставит под угрозу саму возможность существования российского цивилизационного проекта, поскольку размывает ту основу, на которой он зиждется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Самоидентификация гражданина России: социологический замер // Общество и экономика. 2008. № 1.

Мареева С.В. Идея справедливости в портрете общества, о котором мечтают россияне // О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М., 2013^а.

Мареева С. В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013^б. № 5.

О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М., 2013.

Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества: 1995–2010 гг. // Общественные науки и современность. 2011. № 4.

Тихонова Н.Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

Тихонова Н.Е. Особенности самоидентификаций и мировоззренческих типов российских граждан // Российская идентичность в социологическом измерении. М., 2008^б.

Тихонова Н.Е. Социальный либерализм: есть ли альтернатива? // Общественные науки и современность. 2013. № 2.

Тихонова Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Общественные науки и современность. 2005. № 6.

Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014.

Тихонова Н.Е. Что думают россияне о справедливых и несправедливых неравенствах // Социальные неравенства и социальная политика в современной России. М., 2008^а.

© Н.Тихонова, 2015